

УДК 101.8(470)

А.В. Климович

канд. филос. наук, доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «АБСОЛЮТНОЕ»
В ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА**

Выявлены особенности интерпретации понятия «абсолютное» в русской философии всеединства В.С. Соловьёва и таких его последователей, как С.Н. Булгаков, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский. Автор реконструирует, обобщает и сопоставляет представления философов всеединства на природу и особенности существования и возможности познания человеком абсолютного.

Понятие «абсолютное» является центральным, можно сказать, «стержневым» понятием любой метафизической системы объективного идеализма. Особое значение имеет это понятие в русской философии всеединства. Современные исследователи творчества В.С. Соловьёва полагают, что в его философии можно выделить две главные концепции: всеединства (по сути представляет собой учение об абсолютном) и Богочеловечества, – неразрывно связанные между собой. И связаны они, очевидно, именно через абсолютное начало. Как известно, проблема всеединства стала одной из основных в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Понятие всеединства как высшего онтологического принципа впервые было предложено В.С. Соловьёвым: Абсолют есть «положительное всеединство», которое предстаёт в его онтологии как триединство абсолютных истины, добра и красоты; в гносеологии – как свободная теософия, система цельного знания.

Концепция всеединства разрабатывалась в философских системах разных последователей В.С. Соловьёва. Так, в системе Л. Карсавина на принципе всеединства основано учение о «симфонической личности», утверждающее, что объединения людей тоже должны рассматриваться как личности особого рода. Русские философы Е.Н. Трубецкой и С.Н. Булгаков пытались связать учение о всеединстве с представлениями о Софии как Премудрости Божией.

Очевидно, что понятие абсолютного было в той или иной степени предметом осмысления всех философов всеединства. Именно оно являлось и отправной точкой, и итогом множества размышлений о начале и конце мира, о человеке и смысле его существования. Закономерно перед философами этого направления встают вопросы о самой сути абсолютного, о том, каковы взаимоотношения абсолютного начала с миром. А ещё возможно ли, а если да, то в какой степени, познание человеком абсолютного, проникновение в него?

Абсолютно-сущее в философской системе В.С. Соловьёва – это прежде всего основа единства мира, в силу чего оно совершенно единично и никогда не может стать множественностью, но содержит её в себе. Такая трактовка абсолютного как единичного далеко не нова: философ продолжает древнюю традицию европейской мысли, родоначальником которой был Платон с его идеей блага. Платоновская идея блага исследователями платонизма интерпретировалась неоднозначно. Несомненно, что эта идея как высшая из всех идей признавалась Платоном причиной всего познаваемого и существующего, но не ясно, является ли она причиной самих идей, если они существуют вечно и неизменно. Кроме того, исследователям философии Платона было затруднительно выявить, можно ли рассматривать идею блага как божество, ведь в таком случае личное бытие божества оказывается весьма сомнительным. Споры в русской философии о том, тождественны или нет Бог и благо у Платона, занимавшие в своё время множество

умов, на деле поэтому имели более глубокий смысл: возможно ли вообще философскими средствами определить Бога? И если Бог определяется как абсолютное, можно ли с полной уверенностью считать это абсолютное Богом? Очевидно, что абсолютное само по себе должно быть свободно от всяких определений, так как определённое существование является относительным, и такое утверждение будет противоречить самой сути абсолютного.

Множество терминов, поясняющих суть абсолютного, не должно заслонить главного: абсолютное, согласно философии всеединства, имеет определённый онтологический статус, а вернее, всё определяет собой; и оно же играет (здесь можно уловить ассоциацию с гегелевской «абсолютной идеей») центральную роль в гносеологии: и начинается, и завершает процесс человеческого познания.

Учение Соловьёва об абсолютном как всеедином, созданное им в самом начале творческого пути, свидетельствует о выходе философа из-под влияния европейской философской мысли. Ещё в «Философских началах цельного знания» В.С. Соловьёв писал, что по самому смыслу слова «абсолютное» означает, во-первых, отрешённое, освобождённое от чего-либо, а во-вторых, завершённое, законченное. Отсюда вытекают два определения абсолютного: что-то существующее совершенно отдельно, свободно от всего «другого» как безусловное единое; оно определяется положительно как обладающее всем, не могущее иметь ничего вне себя [2, с. 346]. Речь идёт здесь не о разных определениях абсолютного, а о двух его сторонах, которые находятся в безусловном единстве. И именно этим соловьёвское понятие абсолютного как всеединого отличается, как сам он отмечал неоднократно, от абсолютного в рационалистической философии, признающей лишь одно из вышеупомянутых определений.

Абсолютное, или же сущее, В.С. Соловьёв называл «безусловно первым принципом» своей философии. Оно не есть настоящее феноменальное бытие, но в то же время является основой всякого бытия. Абсолютное начало не есть бытие именно потому, что оно само не может быть предикатом ничего другого. В самом деле, если считать абсолютное тоже разновидностью бытия, говорит Соловьёв, мы имели бы некое сверхбытие, что само по себе довольно нелепо. Таким образом, можно сказать, что абсолютное не есть и небытие, так как нельзя отказать ему в существовании, и, кроме того, ведь ему принадлежит всё бытие. Абсолютное в интерпретации В.С. Соловьёва – не только основание всего, но и цель человеческого мыслительного процесса. И высшая задача человеческой мысли состоит, в том, чтобы «понять всё как единое целое в абсолютном – мир как всеединство» [3, с. 104]. Это «цельное знание», которое должно увидеть всё в одном, соответствует всем потребностям человеческого духа. Так, оно требуется нашим разумом как абсолютная истина, нашей волей как абсолютное благо и нашим чувством как абсолютная красота. Это абсолютное, таким образом, будет «всем во всём», отвечающим всем высшим требованиям человеческого духа.

Исследуя природу абсолютного начала, В.С. Соловьёв выделяет в нём два центра: начало единичности и свободы и начало множественности и необходимости – и тем самым, очевидно противореча самому себе, рационализирует его. Можно сказать, что в «Философских началах цельного знания» понятия «абсолютное первоначало», «сверхсущее», «истинно сущее» тождественны. Тем не менее они нигде прямо не отождествляются с Богом, хотя подразумевается, что Соловьёв всегда имеет в виду божественную идею. Наверное, именно эта многослойность и многозначность соловьёвского текста дала возможность одному из последователей философа Е.Н. Трубецкому утверждать, что абсолютное, или же всеединое, лежащее в основе всего и служащее всему целью, есть идея по существу религиозная, и мы имеем в ней философское выражение идеи Бога [3, с. 107].

В отличие от Соловьёва С.Н. Булгаков пытается различить понятия абсолютного и Бога. Онтологическое начало он называет «божественным ничто». Этот термин – ещё одна интерпретация абсолютного в философии всеединства. Абсолютное в понимании Булгакова – это своего рода «трансцендентный фон» Бога. Разница между абсолютным и Богом, как он её понимает, заключается в том, что Богу хотя бы в чём-то присуще бытие. Так, про Бога можно сказать, что он «есть», а про абсолютное этого сказать нельзя, так как оно есть нечто самозамкнутое и является «навечно сокрытой тайной». Именно абсолютное полагает в себе различие Бога и мира, в то время как без Бога как объекта религиозной веры оно стало бы понятием, лишённым содержания. Определить каким-то образом соотношение между Богом и абсолютным Булгаков не в состоянии, полагая, что подобное вообще не под силу человеческому разуму. Существование определённой взаимосвязи между абсолютным и Богом есть факт, который нужно принять на веру при всей его непостижимости. При этом философ пытается нарисовать картину саморазвития абсолютного: актом сотворения мира оно порождает Бога. Бог же изначально связан с миром, и именно в этом заключена возможность определений Бога, богопознания и богооткровения. Таким образом, в интерпретации С.Н. Булгакова понятие абсолютного намного шире понятия живого, личного Бога. Бог же есть явление абсолютного в откровении.

С.Н. Трубецкой в отличие от Булгакова полагает, что возможно определение абсолютного как «основного общего данного» религии и философии, того, что лежит за пределами явлений «являющегося» и «мыслимого» в философии и «духа» в религии. Ввиду наличия этого общего данного религия и философия не противоречат друг другу. Невозможно просто так отрицать абсолютное или объявлять его непознаваемым. Такие утверждения требуют хотя бы самого общего исследования природы абсолютного. Если предположить, что ничего абсолютного нет, что всё относительно, то закономерно возникнут вопросы: что относится во всех отношениях и к чему, что есть в этих отношениях? Всякое относительное, согласно С.Н. Трубецкому, предполагает безусловное и безотносительное. Начало, которое обуславливает собою всё, что существует, существовало и будет существовать, не сводится, как считает философ, ни к сознанию, ни к множеству вещей: оно универсально, сверхсознательно и невещественно. Идея абсолютного, несомненно, метафизическая, её нельзя свести ни к чему в области явлений, но от неё невозможно отказаться, ибо она идея позитивная. В «Основаниях идеализма» философ пишет, что самым великим открытием философского идеализма было то, что «действительность, объективный мир, существующий в беспредельном пространстве и времени, имеет логическое начало» [5, с. 172]. И это открытие было столь парадоксальным, что даже Кант не решился вывести из него всех необходимых следствий. Отсюда основная задача философии: определив, что всё действительное имеет идеальное начало, понять это начало.

Согласно С.Н. Трубецкому, абсолютное не является ни отвлечённой субстанцией, ни безотносительным субъектом. Оно прежде всего существует для своего «другого» – в этом его основное предназначение. Но кроме этого, абсолютное должно иметь в себе самом собственное основание. Поэтому его нельзя назвать ни относительным, ни безотносительным. Оно сверхотносительно. Абсолютное ниоткуда не выводится, а дано человеку в вере, в мысли, в опыте внешнем и внутреннем. Оно определяется философом как: 1) сущее о себе, или всеединая основа всего сущего; 2) самость, сущая о себе и для себя, т.е. самость, заключающая в себе основу себя и своего другого – потенцию инобытия; 3) конкретный абсолютный субъект, сущий о себе, для себя и для всего, т.е. как абсолютная личность, заключающая в себе всеединое начало сущего, полноту потенций бытия.

Такое понимание абсолютного, по С.Н. Трубецкому, вовсе не исключает возможности его познания. Если учесть безграничную свободу абсолютного, его возможность из себя создать своё «другое» и сообщить себя ему, то всё это должно предполагать глубокую познаваемость абсолютной истины. Человеческий разум, будучи «прирождённым метафизиком», по самой природе своей не может ограничиться познанием лишь конкретных явлений. Разум в своей деятельности стремится объективно понять безусловное, «познать сущее в его всеединстве». И неважно, осуществится этот идеал познания когда-нибудь или нет. В этом – жребий человеческой мысли: стремиться к познанию абсолютного, быть не в силах его достичь и не в силах отказаться от познания его. Сознание идеала дано человеку, и в этом сознании та сила, которая окрыляет его мысль, поднимает её ввысь. Но это же сознание указывает ему всё различие идеала от того, чем он в действительности обладает. И поэтому главная задача человеческого разума, делает вывод мыслитель, заключается не в том, чтобы изобретать свою собственную субъективную метафизику, а понять объективные метафизические проблемы, которые перед ним стоят. Только в таком случае возможно устранение пропасти между человеком и тем, что он привык называть божеством.

Собственно, все философы всеединства так или иначе согласны в том, что абсолютное может каким-то образом познаваться человеком, т.е. при всей его трансцендентности оно не представляет собой навеки закрытую для человека область. Так, В.С. Соловьёв, разрешая проблему познаваемости человеком абсолютного, говорит о том, что вообще, конечно, абсолютное не может стать содержанием человеческого знания, потому что его содержание нематериально, и им может быть только бытие. Но оно познаваемо в другом смысле – как единственный из числа сущих предмет познания.

Абсолютное существует вне человека, но, тем не менее, не может быть непосредственным предметом человеческого опыта. Человек познаёт абсолютное во всём, что он познаёт, следовательно, ему становятся доступными в познании только какие-то проявления абсолютного. В этом смысле человек познаёт абсолютное как основу того, что его окружает, как нечто, скрытое «под грубою которою вещества». Но абсолютное есть и внутренняя, глубинная основа самого человека, и поэтому, познавая его, человек познаёт тем самым себя и осознаёт в этом своё единение с миром и абсолютное как субстанцию этого единения. И только в этом смысле он может приблизиться к абсолютному.

В.С. Соловьёв считает, что в человеческом духе заложена способность к познанию абсолютного, и именно оно только и может замкнуть человеческое познание в действительный организм. Предчувствуя вопрос о том, как может человек, существо, ограниченное в своих возможностях, осуществить выход в сферу абсолютного, Соловьёв замечает, что ведь никто ещё не доказал окончательную ограниченность человека миром явлений, в котором он существует.

Роль абсолютного в познавательном процессе более детально исследует Е.Н. Трубецкой. Абсолютное в его представлении – это прежде всего безусловное сознание, то, что является «подлинно достоверным основанием знания», независимым от человеческого ума. Каким же образом человеческая мысль может прийти к этому безусловному? В конкретном воззрении, по словам Е.Н. Трубецкого, человеку дано лишь эмпирическое, конкретное. И чтобы найти всеобщее, безусловное, человеку необходимо прежде всего отвлечься от этой данности, подняться над нею к понятию. Такое отвлечение нуждается именно несовершенством человеческого ума, не могущего охватить всеобщность, приходящего к антиномиям в процессе такого «обхвата». В истории философии эта психологическая необходимость отвлечения от конкретного нередко смешивалась с необходимостью объективно-логической, и за истину принималось наше вспомогательное орудие познания – отвлечённое понятие [4, с. 24]. Это заблуждение, считает Трубецкой, уходит своими корнями в философию Платона, который именовал идеей

одновременно и истинно-сущее, и родовые представления, чем уничтожалась грань между абсолютным и человеческими понятиями.

Основной же задачей философии, представляется Е.Н. Трубецкому, является освобождение от такого антропологизма, который переносит определения человеческой мысли в мысль абсолютную. Абсолютная мысль может быть иначе названа «мысленным всеединством», в котором охвачено всё многообразие явлений прошлого, настоящего и будущего. В отличие от отвлечённой человеческой мысли абсолютная мысль имманентна всему конкретному, которое она определяет и охватывает собой. Применительно к абсолютному философ не пользуется предикатом «божественный», полагая, что в пределах гносеологии вопрос о религиозном отношении к абсолютному не должен ставиться, так как гносеология следует логическим критериям и внесение в неё религиозных предпосылок будет искусственным. Впрочем, абстрактное «мировое око» и не может вызвать у человека религиозного чувства. Отношение к абсолютному становится религиозным, как считает мыслитель, лишь с того момента, когда абсолютное утверждается нами как смысл всей нашей жизни и всего что есть.

Человек, согласно Е.Н. Трубецкому, восходит к абсолютному двумя путями: с помощью рационального познания и откровения. Эти пути представляют собой два совершенно различных отношения человека к абсолютному. Рациональное познание может проникнуть лишь в экзотерический план абсолютного, откровение же – в эзотерический. Естественно, что философия восходит к абсолютному рациональным путём, следовательно, ей открыт экзотерический его план. В откровении же абсолютное являет себя в виде Бога. В принципе, по мнению Е.Н. Трубецкого, оба пути проникновения в абсолютное вовсе не исключают друг друга, но с той минуты, как абсолютное стало для неё эмпирией, данностью, философия перестаёт быть только рациональным учением и становится кроме того и философией откровения [4, с. 70].

Таким образом, можно сделать вывод, что в компетенции рациональной философии находится обоснование достоверности человеческого познания через абсолютное, и в абсолютном есть область, открытая познающему сознанию независимо от того, насколько религиозно его отношение к абсолютному. Тем самым абсолютное признаётся существующим и для не верящих в Бога.

Возможность познания Бога, по утверждению С.Н. Булгакова, есть прерогатива религиозного сознания. Она затруднена тем, что Бог, как объект религиозной веры, с одной стороны, есть нечто внешнее по отношению к миру и человеку, совершенно трансцендентное, с другой же – он может открываться религиозному сознанию и становиться его имманентным содержанием. Ход его рассуждений таков: абсолют, который был бы только трансцендентным, являлся бы для человека пустым понятием, а если бы он стал до конца имманентным, просто превратился бы в человека, взятого в его глубинной, внутренней сущности. Здесь-то человеческое сознание и наталкивается на антиномию, которую нельзя разрешить, пользуясь основными средствами рационального мышления. В самом существовании такой антиномии, как считает Булгаков, обнаруживается недостаточность человеческого разума, который «на известной точке вынужден останавливаться, ибо приходит к обрыву и пропасти, а вместе с тем не может не идти до этой точки» [1, с. 98].

Таким образом, попытка самого общего определения объекта религиозной веры оказывается сопряжённой со сложностями, и область божественного и абсолютного предстаёт перед человеческим сознанием в виде тайны, к которой неприменимы все понятия бытия. Для рационального сознания эта антиномия обернулась бы крахом, но, так как вера не базируется на рассудке, для неё эта антиномия по существу является источником существования. Вера в отличие от разума только и может существовать там, где есть тайна, где конечная цель не понята до конца. Поэтому антиномия трансцен-

дентности и имманентности, как считает С.Н. Булгаков, и есть неиссякаемый источник религиозной веры.

Можно полагать, что с точки зрения всеединства предикаты трансцендентности и имманентности присущи абсолютному не в одном и том же отношении: в одном отношении оно трансцендентно миру, в другом – имманентно. Оно имманентно миру как полнота сознания о нём и трансцендентно ему как бытие. Развивающийся мир, в свою очередь, не может вместить в себя всю полноту абсолютного, поэтому оно одновременно и есть, и не есть в мире. Эта суть абсолютного как нельзя более ясно отражена в антиномии. «Истина потому и есть истина, – утверждает П.А. Флоренский, – что не боится никаких оспариваний; а не боится их потому, что сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но это самоотрицание своё истина сочетает с утверждением» [6, с. 147]. Таким образом, для человеческого рассудка истина и есть противоречие: она образует синтез тезиса и антитезиса. Говоря другими словами, истина может быть только антиномией, поэтому абсолютное (как абсолютная истина) является антиномией. Чем ближе к Богу, пишет Флоренский, тем отчётливее противоречие, но оно может быть видно только в подлинном религиозном опыте, который может его фактически примирить, и не видно позитивистскому рассудку.

Антиномия, с одной стороны, как нельзя более ясно открывает недостаточность сил человеческого мышления в постижении абсолютного. Здесь разум осознаёт свою ограниченность и дальше осознания этой ограниченности самостоятельно продвинуться не может. С другой стороны, антиномии в сознании познающего человека разрешаются посредством религиозного откровения, т.е. «сверху». И получается, что путь к абсолютному для человека не закрыт, но открывается он только по желанию самого абсолютного.

Таким образом, можно выделить общее, что присуще философам всеединства в их взглядах на природу абсолютного.

Абсолютное в философии всеединства полагается единственно возможной основой единства мира. Само оно ни в какой мере не является ни бытием, ни небытием и в таком своём качестве только и может быть основой бытия. Именно в таком понимании абсолютного воплотилась в философии всеединства платоновская традиция поиска единства в окружающем человека хаотичном мире в чём-то принципиально несводимом к этому миру, в корне отличном от него. Определения абсолютного философия всеединства не дала, чаще всего оно обозначалось терминами «единственно истинносущее», «божественное ничто», «безусловное сознание».

Абсолютное есть потребность человеческого духа. И высшее предназначение человеческой мысли, согласно философии всеединства, заключается в понимании мира как единого целого через абсолютное. В своём высшем смысле абсолютное является триединством абсолютных истины, добра и красоты.

Абсолютное – это высшая цель человеческой мыслительной деятельности. Познавать его до конца человек не в состоянии: оно, не являясь бытием, не может стать содержанием человеческого сознания. В то же время только в человеке, как считали философы всеединства, заложена способность к познанию абсолютного, в силу чего человек и является связующим звеном между земным и божественными мирами. Не преувеличивая способности человеческого ума, но и не будучи скептиками, философы всеединства полагали, что человек познаёт абсолютное во всём, что его окружает, в том числе и в себе как свою собственную основу. И в этом смысле абсолютное познаваемо человеком.

Категория «абсолютное» занимает центральное место и в онтологии, и в гносеологии всеединства. В онтологии оно выступает как основа бытия. В гносеологии оно является необходимым предположением и целью человеческого познания. Всё суще-

ствующее, согласно философии всеединства, определено абсолютной мыслью, и она же есть единственный по существу предмет познания.

Абсолютное, согласно философии всеединства, не может развиваться во времени и пространстве, совершенствоваться, так как охватывает собой прошлое, настоящее и будущее, концентрируя положительную силу бытия. Оно сочетает в себе трансцендентное и имманентное, эзотерический и экзотерический планы, и это сочетание недоступно для рационального осмысления – оно должно приниматься человеком на веру. Но в то же время абсолютное в философии всеединства не самодовлеющее, оно не мыслится вне связи со своим «другим» – миром и человеком.

В философии всеединства абсолютное выступает в качестве понятия, но не живой личности. Оно вызывает к себе религиозное отношение лишь в определённом плане, когда утверждается человеком как единственно достойный смысл своего существования. Понятие абсолютного, таким образом, шире понятия Бога, но именно в нём философия всеединства нашла выражение божественной идеи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Сергиев Посад, 1917. – 426 с.
2. Соловьёв, В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьёв // Собр. соч. – СПб. : Просвещение, 1911–1914. – Т. 1. – 640 с.
3. Трубецкой, Е. Н. Миросозерцание В. С. Соловьёва / Е. Н. Трубецкой. – М., 1913. – 631 с.
4. Трубецкой, Е. Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства / Е. Н. Трубецкой. – М. : Путь, 1917. – 335 с.
5. Трубецкой, С. Н. Основания идеализма / С. Н. Трубецкой // Собр. соч. – М., 1906–1912. – Т. 2. – С. 161–294.
6. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский // Соч. : в 2-х т. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 490 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Klimovich A.V. Peculiarities of Interpreting the Concept of «Absolute» in the Philosophy of Unity

The article reveals the peculiarities of interpreting the concept of «absolute» in the Russian philosophy of unity by V.S. Soloviev and his followers such as S.N. Bulgakov, S.N. Troubetzkoy, E.N. Florensky. The author reconstructs, summarizes and compares the views of the philosophers of unity to the nature and features of life and the possibility of man's knowledge of the absolute.